

Автор - Эндин Михаил, Вюрцбург (Германия).

Магазин

...И сумрачный германский гений...
Александр Блок

Заплата на асфальте говорит...
А улица, естественно, теряет
и красоту, и свой товарный вид.
И каждый, между прочим, индивид,
споткнувшись, непременно наградит
эпитетом того, кто вытворяет
подобные дорожные дела.

Заплата, между прочим, мне дала
всего лишь повод написать о том,
что рядом есть многоквартирный дом,
и в доме том давным-давно живёт

та женщина, что ходит круглый год
со мной в один и тот же магазин.
И там в отделе соков, вод и вин

я наблюдаю женщину сию.
И жалко мне, что я уже не пью,
как в прежние весёлые года.
А женщина, не ведая стыда,
берёт вино различных стран и марок —
себе, друзьям, на вечер, на подарок? —
теряюсь я в догадках, потому

мне грустно оставаться одному.
И я бреду, душа моя болит,
и спотыкаюсь, словно индивид,
который непременно посылает
эпитетом того, кто вытворяет...
Заплата на асфальте говорит,
но речь её никто не понимает.

...

Вот магазин открылся. Я опять
в часы таких обыденных открытий
пойду туда, но радостных событий
и прочих просветлений и наитий
от этого не стану ожидать.

Не стану ждать блестящих перспектив
и даже суетливых приключений.
Осенний день. И сумеречный гений —
германский ли, российский — без сомнений,
едва ль услышит благостный мотив.

Мне осень не расскажет ни о чём, —
закроет небо тучами и снова
заморосит, и сказанное слово
истреплет ветром, чтобы бестолково,
темнея, стать угрюмым палачом.

Но день сегодня выдался такой...
Но магазин сегодня так открылся...
Я пожалел о том, что не побрился.
Я улыбнулся, словно удивился,
кассирше юной, девушке простой.

Сегодня день открытий. Угадать
теперь несложно, что на самом деле

я сделаю, — я в дом открою двери
и буду ждать кассиршу, что в отделе
работает за кассой № 5.

...

Ноябрь ушёл. Теперь пришла зима.
Пошлёт ли снег или оставит лужи
природа, не решившая сама,
что будет лучше, чтобы стало хуже
народу, истоптавшему опять
земную твердь за каждой пядью пядь?

Я тоже оставляю за собой
принятие решений. В эту зиму
никто уже не ринется толпой
к закрытому на время магазину, —
на время, на эпоху, на века...
Всё временно для тех, кто жив пока.

Я сам себе казался не рабом,
а просто завсегдатаем отделов.
Я покупал — на нынче, на потом
(ну как прожить без таких заделов),
мечтая о тепле и доброте,
да годы, видно, выдались не те.

Что за дорога, если в магазин
она не приведёт меня однажды,
когда, быть может, в пору долгих зим
я исстрадаюсь от тоски и жажды?
Невесело шагать, когда в пути
дорогу к магазину не найти.

А жизнь вокруг спокойная вполне
текла себе на улице и даже
у женщины, мелькающей в окне,
забывшей о покупке и продаже.

Женился на кассирше молодой
один парнишка из молодцеватых.
Асфальт у магазина был в заплатках,
но не тужил об участи такой.

Окраина

Бежит автобус, не меняя маршрут, до городского края,
до пустырей, до тех домов,

что распростёрлись вереницей одной к земле прижатой птицей
в плену антенн и проводов.

Я, давний житель не окраин, трясусь в автобусе, изранен
подобной дальностью пути.

И, доезжая до предела, несу израненное тело
своё в надежде донести

его до лифта и порога, где ты, прождав совсем немного,
за опоздание не коря,
впускаешь в дом меня с улыбкой, а мир, окраинный и зыбкий,
(высоким слогом говоря),

всё также стелется у дома, у пустырей, у гастронома
и даже дальше, где леса
уже очерчивают местность, предполагая неизвестность,
кащеев, леших, чудеса.

Там, за очерченной границей, весь мир покажется девицей
ещё невинной до поры...
Несправедливость или странность — мы городские, это данность,
и все природные дары

мы принимаем в час рассвета, когда, не думая про это,
услыша птичий перепев
и за окном увидя снова и лес, и небо, мы ни слова
не произносим, замерев...

Ялта

Жил в Ялте, привечал лаванду,
бродил по набережной и
за полцены снимал веранду
совместно с парнем из Перми.

Купался в море, мылся в бане,
обедал в маленьком кафе
и молча грезил о романе —
любовном аутодафе.

У дома чеховского мучась,
ступая по живым следам,
шутя, гадал, какая участь
теперь готовится для дам,

идущих медленно и чинно

по жаркой набережной той,
где встретил некогда мужчина
собачку с дамой молодой.

Горчит оборванная фраза...
Не потому ли я опять
страницы старого рассказа
пытался в новом отыскать?

А море нежно до рассвета
купало звёздные огни.
Я уезжал. Кончалось лето
и Ялта таяла вдали.

